

нымъ; 2) что въ обѣихъ таблицахъ губерніи взяты *не одни и те же*. Въ первой таблицѣ есть свѣдѣнія о Вятской, Ярославской, Тамбовской, Владимирской, Воронежской, Вологодской, Полтавской губ., которыя совершенно не представлены во второй таблицѣ, зато во второй упомянуты Нижегородская, Ставропольская, Уфимская, Черниговская губ. и нѣкоторые уѣзды, которыхъ вовсе нѣтъ въ первой. И все-таки авторъ считаетъ возможнымъ дѣлать *сопоставленія* изъ несоизмѣримыхъ таблицъ, напр., „на одну бібліотеку приходится 132 читателя противъ 146 въ 1909—1911 году“ и т. д. Развѣ же есть какое-нибудь основаніе утверждать, что это — паденіе числа читателей? Вѣдь во второй таблицѣ отсутствуютъ губерніи съ большимъ развитіемъ бібліотечнаго дѣла — вотъ уже и неминуемая разница. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы для обслѣдованія взята была, какъ полагается, *единовременная картина*, а не мозаика за разные годы, то результатъ тоже получился бы иной.

Изученіе читателя и психологическое, и статистическое должно лечь въ основу бібліотечной работы, смыслъ которой — „все для читателя“, но изученіе должно вестись научно и правильно, а такая „статистика“ далека и отъ научности, и отъ правильности.

XII.

Библіотекаръ — душа дѣла.

Для того, чтобы бібліотека выполняла свою высокую культурно-соціальную миссію, необходимо, чтобы она была живымъ организмомъ, а организмъ можетъ быть живымъ лишь тогда, когда въ немъ есть душа.

Душой бібліотеки, той живой силой, которая приводитъ въ движеніе всѣ ея органически связанныя между собою части, является бібліотекаръ.

Роль бібліотекаря весьма значительна. Помогая чтенію, онъ помогаетъ развитію, формированію мыслей, выработкѣ міросозерцанія. Онъ — руководитель и учитель, но передъ нимъ не однородная группа учащихся и не заранѣе предопредѣленная программа, которую онъ долженъ выполнять: сфера его вліянія простирается на людей самыхъ разнообразныхъ типовъ, подго-

товки, возраста, развитія, а работа его даетъ широкій просторъ для творчества и инициативы.

Всякому, въ комъ горитъ огонекъ энтузіазма, у кого есть общественная жилка, кто самъ любитъ и цѣнитъ книгу и хочетъ этой любовью „заразить“ другихъ людей, кто стремится къ созидательной и не шаблонной работѣ, библиотечная дѣятельность дастъ большое удовлетвореніе. И въ свою очередь тотъ, кто обладаетъ перечисленными особенностями, внесетъ въ библиотечку живую струю, создастъ очагъ культуры, который принесетъ большіе результаты.

У насъ еще не такъ давно смотрѣли на библиотекаря, какъ на механическаго „выдавателя книгъ“, и отъ него не требовали ничего, кромѣ грамотности и нѣкоторой аккуратности. Восемь лѣтъ тому назадъ, производя анкету среди русскихъ публичныхъ библиотекъ, я пыталась опредѣлить, между прочимъ, кто ими руководить. Выяснилось, что среди библиотекарей и въ тѣ времена были люди просвѣщенные и идейные, которые шли работать въ библиотеку бесплатно или за грошевое вознагражденіе какъ общественные дѣятели. Тѣ же, которые поступали въ библиотеку ради заработка, въ виду ничтожности существовавшего вознагражденія, не могли вербоваться изъ достаточно образованныхъ и подготовленныхъ людей. Одна изъ библиотекъ сѣтовала, напримѣръ, что „нельзя за двадцать пять рублей найти человѣка, который отдавалъ бы всю душу дѣлу“. Наконецъ, инныя библиотечки сознательно довольствовались малокультурной силой. Такъ, въ Новороссійскѣ хорошая по составу городская библиотека, въ основу которой легла книжная коллекція одного профессора съ рядомъ иностранныхъ сочиненій, много лѣтъ объединяла въ лицѣ малограмотнаго отставного солдата двѣ должности: сторожа и библиотекаря, съ вознагражденіемъ въ двадцать пять рублей за обѣ.

Изъ одной библиотеки уѣзднаго города Черниговской губ. въ отвѣтъ на свою анкету я получила такое письмо: „Получивъ вашего благородія письмо, въ которомъ вы просите уставы и обряды нашей библиотеки, я очень ими заинтересовался, принявъ его во вниманіе и записалъ въ книгу исходящихъ и неисходящихъ бумагъ... То каждая библиотека должна имѣть себѣ помощника, то я хочу быть вашимъ помощникомъ въ еренной вами библиотекѣ“ (сохранена орфографія подлинника). Далѣе

авторъ письма сообщаетъ, что онъ получаетъ десять руб. въ мѣсяць...

Въ Московской губерніи для сельскихъ библиотекъ приглашали дѣвочекъ, окончившихъ начальную школу, съ оплатою труда десять рублей въ годъ. Повсемѣстно въ Россіи преобладали сельскія библиотеки „пришкольныя“, и завѣдывали ими учителя даромъ или почти даромъ. Конечно, учитель, обремененный своей текущей работой, занимался библиотекой „между прочимъ“, не могъ удѣлять ей достаточно времени и силъ, а когда онъ уѣзжалъ на каникулы, то библиотека должна была закрываться.

Таково было въ общихъ чертахъ завѣдываніе библиотеками, но въ послѣдніе годы взглядъ сталъ измѣняться, эволюционировать. Въ общественное мнѣніе начала внѣдряться мысль, что реформа библиотеки возможна только черезъ библиотечаря. „Библиотечарь—тотъ рычагъ, который можетъ сдвинуть библиотечу съ мертвой точки“, провозгласило Оренбургское земство. „Библиотекѣ нужны библиотечарши, а не магазинныя барышни“, такъ формулировала свои требованія одна изъ довольно большихъ городскихъ библиотекъ.

А на ряду съ этимъ въ нѣкоторыхъ библиотекахъ коллегія идейныхъ и культурныхъ библиотечарей сама показала, какъ можетъ расцвѣсти библиотечная работа при надлежащихъ руководителяхъ.

Можно смѣло утверждать, что лозунгъ библиотечнаго движенія долженъ гласить: „къ новой библиотекѣ черезъ библиотечаря“.

Сейчасъ мы видимъ со всѣхъ сторонъ, что библиотечарямъ назначаютъ вознагражденіе во много разъ больше прежняго—триста, четыреста, пятьсотъ руб. въ мѣсяць—и потому именно, что стали цѣнить въ библиотечарѣ культурнаго руководителя.

Чтобы руководить культурнымъ учрежденіемъ, нужно, конечно, обладать солидной общеобразовательной подготовкой и начитанностью. Но еще и этого не достаточно: библиотечарь долженъ обладать нѣкоторыми спеціальными знаніями, необходимыми для его профессіи. Ему нужно пониманіе общественнаго значенія библиотеки, знаніе книгъ, знаніе читательской среды и психологіи, знакомство съ методами и техникой библиотечной работы и съ организаціей самой библиотеки.

Человѣкъ интеллигентный, съ общественными стремленіями, сможетъ пріобрѣсти эти знанія, изучая спеціальную библіотечную литературу и практикуясь въ какой-нибудь хорошо поставленной библіотекѣ. Въ библіотекѣ онъ, однако, ознакомится лишь съ тѣми приѣмами, какіе въ ней примѣняются. Для обобщеній и выработки болѣе широкаго взгляда на библіотеку полезнѣе прослушать библіотечные курсы.

Первые библіотечные курсы въ Россіи возникли въ 1913 году въ Москвѣ, въ Университетѣ Шанявскаго. Съ тѣхъ поръ ежегодно весною Университетъ Шанявскаго устраиваетъ краткосрочные (4—6 недѣль) курсы по библіотечному дѣлу. Въ 1917 и 1918 году библіотечные курсы организованы были также въ Одессѣ и въ Харьковѣ.

На многочисленныхъ курсахъ по внѣшкольному образованію въ послѣдніе 2—3 года обыкновенно читается коротенькій курсъ по библіотечному дѣлу. Необходимо, однако, оговориться, что такой эпизодическій курсъ можетъ лишь дать нѣкоторую оріентировку, познакомить съ широтою задачъ библіотеки и съ глубиною библіотечнаго движенія, вдохновить на библіотечную работу. Онъ можетъ показать, насколько необходима подготовка библіотекарю, и послужить преддверіемъ спеціально библіотечныхъ курсовъ. Но, конечно, дать настоящую подготовку библіотекарю нѣсколько лекцій и практическихъ занятій не могутъ.

Даже краткосрочные курсы не достаточны, чтобы дать подготовку болѣе углубленную. За границей для этой цѣли существуютъ спеціальныя школы, у насъ же такихъ школъ еще нѣтъ. Однако, потребность въ подготовленныхъ работникахъ на болѣе отвѣтственныя должности (инструкторовъ, преподавателей библіотечнаго дѣла и завѣдующихъ болѣе крупными библіотеками) очень велика.

Идя на встрѣчу этой потребности, Университетъ Шанявскаго проектируетъ открыть осенью 1918 года одногодичные курсы по библіотечному дѣлу. Университетъ имѣетъ необходимыя вспомогательныя учрежденія—обширный библіотечный музей и показательную библіотеку для практическихъ занятій, и ему, какъ положившему начало профессиональной подготовкѣ библіотекарей въ Россіи, естественно было взяться и за организацію долгосрочныхъ курсовъ по библіотечной спеціальности.

Устройство длительныхъ библіотечныхъ курсовъ въ ближайшее время едва ли было бы возможно въ разныхъ мѣстахъ какъ потому, что лекторскихъ силъ въ Россіи по этой специальности мало, такъ и потому, что оборудованіе годичныхъ курсовъ требуетъ большихъ затратъ. И было бы рационально, если бы организаціи, которымъ нужны подготовленные библіотечные дѣятели, поступали такъ, какъ рѣшилъ поступить внѣшкольный отдѣлъ Московскаго Губернскаго совѣта (бывшаго губернскаго земства). Онъ постановилъ войти въ контактъ съ Университетомъ Шанявскаго и внести въ Университетъ полностью сумму, которая потребуется по смѣтѣ на обученіе 10—12 слушателей (годичные курсы разсчитаны на комплектъ въ 50 слушателей), и кромѣ того взять на себя расходы по командировкѣ этого числа слушателей отъ Московской губерніи*). Участвуя такимъ образомъ въ организаціонныхъ расходахъ по годичнымъ библіотечнымъ курсамъ, Внѣшкольный Отдѣлъ М. Г. С. обезпечиваетъ себѣ подготовку дѣятелей при гораздо меньшихъ затратахъ, чѣмъ если бы пришлось самостоятельно устраивать подобные курсы, а Университету Шанявскаго матеріальное участіе организаціи дастъ возможность осуществить курсы, для которыхъ нужны спеціальныя средства.

Много можетъ достигнуть работникъ, проникнутый „библіотечнымъ духомъ“, даже въ глухомъ углу, даже тогда, когда ему приходится встрѣчаться съ серьезными препятствіями. Въ видѣ иллюстраціи, приведу докладъ о работѣ въ сельской библіотекѣ Оренбургской губерніи, сдѣланный слушательницей библіотечныхъ курсовъ Университета Шанявскаго Л. Н. С—ой въ 1917 году. Это—человѣческій документъ, въ которомъ вибрируетъ душа общественнаго дѣятеля „Божьей милостью“.

„Я начала свою работу съ народомъ въ качествѣ учительницы въ глухой деревнѣ Оренбургской губерніи. Три года, проведенные мною въ деревнѣ, показали мнѣ всю трудность борьбы съ темнотою, суевѣріями, а, главное, глухимъ скрытымъ недоувѣріемъ къ интеллигенціи. Эти три года открыли мнѣ глаза на мою неподготовленность, на все убожество знаній, которыя принесла я въ деревню. А главное,—доказали, что можно быть

*) „Себѣстоимость“ обученія одного слушателя обойдется Университету приблизительно тысячу руб. въ годъ.

полезнымъ работникомъ въ крестьянской средѣ лишь тогда, когда идешь сознательно и добровольно въ ихъ среду. Идешь съ полной готовностью раздѣлить ихъ бытъ, оторванность отъ культуры и однообразіе тяжелаго трудового существованія; раздѣлить для того, чтобы въ атмосферѣ полного равнодушія (а мѣстами и враждебнаго отношенія къ просвѣщенію) открыть новые горизонты, пробудить желаніе учиться. Надо идти въ деревню тогда, когда душа будетъ на мѣстѣ, съ интересами народа. А когда она полна еще жажды личныхъ переживаній, когда ее тянетъ въ среду культурныхъ людей со всѣмъ богатствомъ ихъ духовной жизни, тогда пользы отъ работы въ деревнѣ будетъ мало. Тоска, оторванность отъ родныхъ по духу людей, вся сѣрость обстановки, первоначальная замкнутость или, вмѣсто широкаго довѣрія, традиціонная неискренняя привѣтливость крестьянъ погасятъ энергію, убьютъ инициативу, и человѣкъ принесетъ меньшую долю пользы, меньшую, чѣмъ принесъ бы онъ при другихъ условіяхъ. Именно такъ безсознательно и недобровольно пришла я учительницей въ деревню. И черезъ три года ушла съ глухой неудовлетворенностью, съ тяжелымъ сознаніемъ всей микроскопичности принесенной пользы въ сравненіи съ затраченнымъ капиталомъ энергіи и вѣры въ жизнь. Но кромѣ этого горькаго осадка, я унесла изъ деревни и большой плюсъ: нѣкоторое знаніе деревенскаго люда и опытъ работы въ средѣ его. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ, перебродивъ и успокоившись, а главное уже сознательно и добровольно я вернулась въ деревню въ качествѣ бібліотекарши въ земской бібліотекѣ, мой первоначальный опытъ нѣсколько помогъ мнѣ.

Открытіе земской бібліотеки въ селѣ, гдѣ служу я, совпало съ войной, съ отрезвленіемъ народа. Освобожденный отъ пьянаго угара, умъ русскаго мужика потребовалъ пищи, и отношеніе къ работникамъ умственнаго труда сдѣлалось лучше. Много способствовали этому новому отношенію условія, связанныя съ войной. Хотѣлось перекинуться вѣсточками съ близкими на фронтѣ, прочитать о войнѣ, а грамотныхъ мало. Особенно подчеркивалась эта безпомощность присутствіемъ въ селахъ нашей Оренбургской губерніи военнообязанныхъ, подданныхъ воюющихъ съ нами державъ. Грамотность этихъ людей, хорошее знаніе многихъ ремеслъ, умѣнье сдѣлаться полезными дл

крестьянъ своими разнообразными знаніями невольно импони-
ровало крестьянамъ и вызывало нѣкоторый духъ соревнованія.
Передъ крестьянами былъ наглядный примѣръ выгоды гра-
мотности, ученія, развитія. И крестьяне для себя захотѣли
доли просвѣщенія, хотя бы только грамотности. Явился спросъ
на школу. Повсемѣстно по деревнямъ стали просить открытія
школъ, жаловаться на отсутствіе учителей. Крестьяне захотѣли
научиться читать и писать. Но что могла читать деревня, какія
книги проникали въ нее? Тѣ ужасныя изданія для народа, ко-
торыя продаются на базарахъ, ярмаркахъ сель, деревень и
уѣздныхъ городовъ: „Монахъ-вампиръ“, „Чортовъ логъ“, „Миръ
тайнственнаго“, „Волшебная книга“, „Антоніо Порро, грозный
мститель“, „Какъ русскій мужикъ у нѣмца отелился“ и т. д.
Я даю подлинныя названія книгъ, пріобрѣтенныхъ мною у кре-
стьянъ для коллекціи макулатуры, которую я собираю. Могли
ли эти книги пробудить любовь къ чтенію и вѣру въ пользу
его? Нѣтъ, надо было изгнать эти плевелы литературы изъ
круга народнаго чтенія, необходимо было начать борьбу съ
этимъ систематическимъ развращеніемъ вкуса народнаго. Надо
было принести въ народъ другую книгу, заставить читать ее,
чтобы эта другая книга защитила крестьянъ отъ нихъ самихъ.
До ея появленія въ деревнѣ оставались неизжитыми духовныя
силы и порождали только зло. Крестьянство оставалось все
той же темной, невѣжественной массой, которая, по словамъ
Некрасова, „...до смерти работаетъ, до полусмерти пьетъ“. А
такъ какъ пить до полусмерти было уже нечего, то силы ухо-
дили въ развратъ, кулачество и азартъ. Жили, подчиняясь
рабски, не раздумывая, преступному государственному устрой-
ству страны. Это устройство отнимало у нихъ большую часть
матеріальнаго благосостоянія, садило на ихъ привычныя шеи
несмѣтное количество тунеядцевъ, отнимало у нихъ и вело на
убой ихъ сыновей, а если возвращало этихъ сыновей обратно,
то не прежними здоровыми деревенскими мужиками, а замучен-
ными муштрой, развращенными поверхностнымъ знаніемъ город-
ского быта, извращенными понятіями этого быта и въ боль-
шинствѣ зараженными скверными болѣзнями. Чтобы освѣтить
весь ужасъ, всю преступность покорности такому порядку ве-
щей, нужна была книга и работникъ этой книги, пропагандистъ ея. Школа была уже принята народомъ. Учитель могъ

пропагандировать книгу, но передъ учителемъ стояла громадная задача обучить массу крестьянъ грамотѣ, втиснуть въ трехлѣтній срокъ обученія весь запасъ самыхъ необходимыхъ знаній. Работа, требующая всѣхъ силъ, всей энергіи, всего огня человеческого духа. А чтобы продолжить начатое, дать пищу уже грамотному мужику, нужны были другіе люди, специально посвятившіе себя книгѣ, „имѣющіе особую сноровку въ ней“. Такъ пишетъ Рубакинъ и такъ требуетъ жизнь. И на это требованіе явились мы, сельскіе библіотекари. Большинство изъ насъ пришло съ горячимъ желаніемъ работать, съ глубокой убѣжденностью въ необходимости этой работы. Но одного желанія оказалось мало. Приходится пропагандировать книгу среди народа, не имѣющаго любви къ чтенію, считающаго его забавой отъ бездѣлія, оцѣнивающаго книгу по степени занимательности ея фабулы. Вотъ въ этомъ равнодушіи къ книгѣ, во взглядѣ на нее, какъ на развлеченіе, не заслуживающее уваженія, скрывается главная трудность работы библіотекаря въ деревнѣ.

Полная лучшихъ намѣреній и самыхъ горячихъ надеждъ на то, что увеличеніе процента грамотныхъ среди крестьянъ приведетъ ихъ толпами въ мою библіотеку, явилась я въ деревню. Но оказалось, что популярность школы въ деревнѣ совсѣмъ не является условіемъ такой же популярности библіотеки. А между тѣмъ условія открытія ея въ мѣстности, гдѣ служу я, были болѣе благопріятны, чѣмъ гдѣ-либо. Дѣло въ томъ, что идею открытія библіотеки далъ крестьянамъ учитель земской школы, вышедшій самъ изъ ихъ среды, сынъ мѣстнаго крестьянина. Онъ былъ инициаторомъ открытія въ селѣ Кредитнаго Товарищества и кооперативной лавки. Такъ какъ оба эти начинанія наглядно показали свою полезность, то изъ уваженія къ человеку, устроившему ихъ, такъ сказать, по довѣрію къ нему, крестьяне согласились просить земство объ открытіи у нихъ библіотеки. Кромѣ того, вновь открытая библіотека должна была обслуживать два села, соединенныхъ вмѣстѣ. Населеніе одного изъ этихъ селъ составляютъ сектанты, евангелическіе христіане. Среди крестьянъ сектантство всегда носитъ отпечатокъ книжности. Въ пропагандѣ своихъ религіозныхъ убѣжденій они не могутъ пользоваться словомъ, въ виду бѣдности своего языка, поэтому они пользуются книгой, книжными убѣжденіями, книжными словами. Разумное требованіе ихъ, чтобы

священныя книги употреблялись на русскомъ, а не церковно-славянскомъ языкѣ, сдѣлало доступной и привычной для нихъ Библію. Правда, это была лишь одна книга, которую они любили, но для библіотеки являлось благопріятнымъ ужъ то обстоятельство, что всѣ они грамотны и привыкли читать. Получивъ всѣ эти свѣдѣнія о мѣстности, въ которой я должна была служить, я была убѣждена, что библіотеку и меня примутъ съ распростертыми объятіями. Въ концѣ сентября, наканунѣ праздника, пріѣхала я въ с. Самарское, Орскаго уѣзда, Оренбургской губерніи. Сразу на вѣзжей квартирѣ, гдѣ я остановилась, вылили на меня немного холодной воды. Узнавъ, зачѣмъ я пріѣхала, хозяйка квартиры спросила, что значитъ библіотека. Я объяснила. Она очень спокойно и увѣренно сказала: „Можетъ ребятишки будутъ бѣгать, а намъ некогда пустяками заниматься. Мужиковъ мало дома осталось, а работы хватить. Да мы, бабы, неграмотныя, а которыя грамотныя, некогда имъ въ книжку читать. Газеты въ праздникъ про войну еще можно“... Потомъ она поинтересовалась узнать, сколько жалованья я буду получать въ мѣсяцъ. Узнавъ, что цѣлыхъ 40 рублей въ мѣсяцъ, она покачала головой и сказала: „Это только за то, чтобы книжки выдавать, 40 рублей?!... Да у насъ ихъ и въ школѣ даютъ. А тутъ еще квартиру надо нанимать, сторожа. Вотъ какъ деньги - то бросаютъ!“ На другой день я попросила сельскаго старосту извѣстить народъ, что будетъ чтеніе. Предварительно пришлось испросить у мѣстнаго священника разрѣшеніе воспользоваться для этого единственнымъ удобнымъ зданіемъ въ селѣ церковно-приходской школы. Онъ милостиво разрѣшилъ, даже въ церкви послѣ обѣдни объявилъ народу о предстоящемъ чтеніи. Къ сектантамъ я тоже послала извѣщеніе. И къ вечеру изъ двухъ смежныхъ школъ пришли ко мнѣ на чтеніе всего девятнадцать человѣкъ, въ числѣ которыхъ большинство были школьники. А по возвращеніи изъ школы, я услышала отъ квартирной хозяйки нѣсколько пріятныхъ мнѣній, относительно моей дѣятельности и личности: „Бабы говорятъ, кормиться къ намъ пріѣхала. Въ городѣ - то ихъ больно много, вотъ и ѣдутъ въ деревню читательщики да агрономы разные“.

Не буду останавливаться на описаніи всѣхъ моихъ злоключеній. Квартиру я нашла не сразу. За помѣщеніе для новаго

непонятнаго учрежденія ломили крестьяне совсѣмъ невозможную цѣну. Въ концѣ концовъ квартира все же была снята недурная, но очень холодная. Нѣсколько дней просидѣла я, тщетно ожидая посѣтителей. Книжное богатство мое заключалось въ 126-ти книгахъ. Понятія о библіотечной Technikѣ у меня были самыя примитивныя: я устроила такъ, какъ велось у меня въ пришкольной библіотекѣ. Записала всѣ свои 126 книгъ въ одну тетрадь, завела другую, общую для всѣхъ читателей, и стала ждать читателя; онъ не являлся. Мнѣ становилось не по себѣ. Но пришли доброжелатели. Я уже говорила, что до меня работалъ въ селѣ учитель, призванный теперь на военную службу. Брошенные имъ ростки не заглохли. Въ потребительной лавкѣ и кредитномъ товариществѣ нашлись люди, работавшіе съ нимъ и понимавшіе хоть отчасти цѣль и значеніе библіотеки. Ихъ было шесть человѣкъ. Одинъ изъ нихъ, самый дѣятельный и развитой, пришелъ ко мнѣ самъ. Я откровенно рассказала ему о своемъ разочарованіи и жаловалась на косность и неотзывчивость населенія. Но онъ указалъ мнѣ, что населеніе переполняетъ школы, что народныя чтенія, устраиваемыя раньше учителемъ, собирали массу народа, что многіе изъ грамотныхъ жителей выписываютъ газеты, а ко мнѣ не приходятъ потому, что не знаютъ, что такое самостоятельная, нешкольная библіотека, и какова я сама, и зачѣмъ я имъ нужна. Книгу они не считаютъ необходимой для себя и сами ко мнѣ не придутъ. Надо приучить школьниковъ ходить въ библіотеку. Мой первый другъ и совѣтчикъ позвалъ меня къ себѣ пить чай, а одновременно пригласилъ и остальныхъ пять человѣкъ, о которыхъ я уже упомянула. Во время общаго чаепитія всѣ они совѣтовали начать со школьниковъ. Больше де ходить въ библіотеку некому. И тогда мнѣ пришла въ голову мысль: привлечь родителей черезъ дѣтей. Я горячо поблагодарила моихъ новыхъ друзей и просила ихъ взять на себя оповѣщеніе народа о собраніи въ ближайшій праздникъ. Я общалась сообщить на этомъ чтеніи послѣднія извѣстія о войнѣ и предложить одно дѣло, очень важное и нужное. Друзья мою просьбу исполнили. И много народу пришло вечеромъ. Большинство изъ любопытства, меньшинство изъ сочувствія ко мнѣ или, наоборотъ, съ враждебнымъ ожиданіемъ моего полнаго пораженія. Представляете ли вы себѣ мое душевное состояніе, когда я, смущенная, жалкая,

совсѣмъ не представительная, стояла передъ собранной мною толпой, передъ устремленными на меня со всѣхъ сторонъ недо- вѣрчивыми крестьянскими глазами и должна была найти слова, которыя побѣдили бы это недоверіе хотя бы отчасти, не сдѣ- лали бы меня смѣшной и еще болѣе далекой этой массѣ, со- бравшейся на мой призывъ. Должна еще добавить, что я явля- лась въ селѣ представительницей земства, а оно, благодаря не- удачному составу, тяжелымъ условіямъ военного времени и не- достатку людей, не оправдало ожиданій крестьянства и вызвало къ себѣ недоброжелательное отношеніе. Все это недоброжела- тельство чувствовалось въ молчаливомъ ироническомъ вниманіи толпы и должно было обрушиться на мою голову въ случаѣ не- удачной рѣчи. Прежде всего я должна была съ достоинствомъ отвѣтить на эту скрытую, незаслуженную мной недоброжела- тельность. Я очень неудачно начала свою рѣчь со слова „го- спода“, но дальше, глубокая убѣжденность, стоящая всегда выше впечатлѣнія смѣшного, спасла меня. Ничего новаго я имъ не сказала, указывая на всеобщую безграмотность, на то, что враги наши насъ побѣждаютъ, благодаря нашей необразован- ности. Указала я имъ на то, что школа можетъ мало дать имъ въ виду краткости учебнаго курса; что половина этого времени сохранилась бы для обученія, если бѣ дѣти приходили въ школу не такими дикими, а привыкшими уже немного къ обстановкѣ, къ правильнымъ занятіямъ, и учителя могли бы не тратить времени на это приученіе и прирученіе дѣтей, а начать самое обученіе; что я, будучи учительницей, отъ самихъ крестьянъ слышала жалобу на ихъ неумѣнье говорить, неумѣнье защитить свои интересы словомъ, потому что, какъ они говорили: „У господъ языкъ мягкій, а у насъ таловый“. И вотъ, чтобы при- учить дѣтей къ школѣ, развить ихъ, приучить смѣло и свободно говорить съ самаго дѣтства, я прошу всѣхъ желающихъ приво- дить два раза въ недѣлю ко мнѣ въ бібліотеку дѣтей отъ 4-хъ до 6-ти лѣтъ. Я буду учить ихъ, играя. Кромѣ того, я обраща- юсь и къ взрослому населенію съ предложеніемъ посильной по- мощи населенію. Вѣдь служить имъ, крестьянамъ, пріѣхала я. Надо ли письмо написать, прошеніе какое-нибудь, адресъ военно- плѣннымъ, оказать примитивную медицинскую помощь или просто побесѣдовать о чемъ-нибудь, — я все сдѣлаю охотно. А если они не придутъ ко мнѣ, не нужна будетъ моя служба имъ, кре-

стьянамъ, я уѣду изъ деревни. Мое предложеніе имѣло успѣхъ, превысившій самыя смѣлыя мои ожиданія. Въ этотъ же вечеръ, по окончаніи чтенія газетъ, записали на мои занятія сорокъ шесть дѣтей. Приходится опять сознаваться въ своей неподготовленности. О дошкольныхъ занятіяхъ я имѣла понятія столь же элементарныя, какъ и о библиотечной Technikѣ. Надо было приготовиться къ собранію дѣтей. Никогда, будучи ученицей, во время страдной поры экзаменовъ, я не зубрила такъ ожесточенно, какъ зубрила въ ожиданіи этого собранія стихи, сказки, пѣсенки, игры. Дѣтей привели матери и остались сами въ библиотекѣ изъ любопытства. Былъ опять праздникъ. Школьники, привлеченные звуками нашего разноголосаго пѣнія, присоединились къ намъ. Библиотека, сѣни, моя комната наполнились народомъ, и передъ всей этой толпой я добросовѣстно выполнила намѣченную программу собранія. Она далеко не была удачной. Многія дѣти скучали, нѣкоторые расплакались, испугавшись многолюдства и шумности собранія. Но матери и старшія дѣти ушли въ восторгъ. Всѣ присутствующіе сидѣли на полу. У меня не было еще мебели, кромѣ одного стола, стульевъ и кровати въ моей комнатѣ. Шкафа тоже не было, и всѣ мои 126 книжекъ лежали на столѣ. Большая часть изъ нихъ были книги дѣтскія, и школьники всѣ ихъ разобрали. Начала функционировать моя библиотека. Число дошкольниковъ скоро увеличилось, но объ этихъ занятіяхъ я говорить не буду, сообщила о нихъ только потому, что они служили первой мѣрой привлеченія читателей. На собранія дѣтей стали заглядывать матери, братья, отцы, бабушки и дѣдушки дѣтей. По окончаніи занятій съ дѣтьми, я стала читать вслухъ газеты и выбранныя заранѣе статьи. Такъ образовалась громкая читальня. Потомъ возникли еще другія мѣры привлеченія читателей въ библиотеку, и, увлеченная работой въ этомъ направленіи, я сдѣлала первую важную ошибку, проступокъ передъ библиотекой: я не сумѣла сдѣлать понятнымъ, привычнымъ, употребительнымъ самое слово „библиотека“. Дѣти называли меня тетей Лидой, библиотеку—школой, взрослые—учительницей маленькихъ, библиотеку тоже—школой. Понятія „библиотека“ и „библиотекарша“ были чужды имъ попрежнему. Моихъ книгъ, разумѣется, скоро нехватило, и земство прислало мнѣ новый запасъ ихъ. Тогда я увидѣла, какъ мнѣ трудно справляться съ увеличившимся количествомъ

книгъ при моей системѣ. Указанія я нашла въ книгѣ Л. Б. Хавкиной, но нужны были еще практическіе совѣты по библіотечному дѣлу и по занятіямъ съ дошкольниками и по устройству народныхъ чтеній. Боже, какой недоучкой и безпомощной почувствовала я себя среди всей этой работы! На мою слезную просьбу о помощи нашъ завѣдующій отдѣломъ народного образованія отвѣтилъ, что пріѣдетъ опытный работникъ библіотечнаго дѣла С. И. Гадимачукъ. И когда названный товарищъ пріѣхалъ, то библіотеку ему никто не могъ указать, а школу, гдѣ ребятишки занимаются, указали. Гадимачукъ мнѣ въ вину это не поставилъ, утѣшая, что названіе „библіотека“ плохо прививается вездѣ, но я знаю, что это моя вина. Я должна была привить это названіе. Вотъ моя первая, еще не самая большая ошибка. Пропагандируя библіотеку, я не внушила народу, не сдѣлала дорогимъ и привычнымъ имя ея. Для привлеченія читателей я устроила одинъ спектакль, тоже не совсѣмъ удачный. Играли крестьяне, никогда не видѣвшіе театра, а я выбрала пьесу съ массовыми сценами. Потомъ два болѣе удачныхъ при активномъ участіи учительницъ. Работала я въ мѣстномъ благотворительномъ комитетѣ, пользовалась всякимъ случаемъ оказаться крестьянамъ полезной, и читатели пришли. Но привести ихъ было еще недостаточно, надо было удержать ихъ у библіотеки. Надо было сдѣлать ихъ, дѣйствительно, читателями, а не посѣтителеми только. Надо было узнать душу читателя, личныя мнѣнія его, и одни изъ нихъ поддержать, укрѣпить, а съ другими бороться. Это можно было сдѣлать только посредствомъ общихъ чтеній. Я стала часто устраивать народныя чтенія, а послѣ нихъ нѣчто въ родѣ бесѣдъ. И вотъ, стараясь пробудить любовь къ чтенію, пропагандируя книгу, повышая спросъ на нее, я забросила ее самое. Я не имѣла времени работать надъ ней. То дошкольники, то репетиціи крестьянскихъ спектаклей, то народныя чтенія. Надо готовиться къ чтеніямъ, надо выдавать книги, сидѣть въ читальнѣ, бесѣдовать съ крестьянами объ ихъ личныхъ дѣлахъ, я же общала имъ свою посильную помощь,—а книги (старыя и постоянно прибывающія новыя) все также примитивно записаны, формуляры читателей написаны не всѣмъ, книжныя карточки не готовы, да и хозяйственная часть пострадала отъ моего широкаго разбрасыванія. Мнѣ некогда было хорошенько поговорить о цѣнахъ на вещи

для бібліотеки, и въ результатѣ вывѣска, которая вездѣ обошлась бы не дороже 15 рублей, мнѣ стоила 30. Это преступно по отношенію къ начинающей бібліотекѣ, имѣющей столько нуждъ. Горькимъ опытомъ убѣдилась я въ справедливости словъ А. А. Покровскаго, что всѣ просвѣтительныя работы должны вестись бібліотекаремъ, но не въ ущербъ бібліотечному дѣлу.

Строгій порядокъ, образцовая бібліотечная техника прежде всего импонируютъ самимъ крестьянамъ и имѣютъ для нихъ громадное воспитательное значеніе. Русскому крестьянству надо ежедневно, ежечасно говорить о необходимости порядка, показывать значеніе и пользу его. Ну а моя бібліотека въ этомъ отношеніи не на высотѣ положенія. Я очень скверно чувствовала себя, когда послѣ разнообразной, но безпорядочной работы съ книгой я пріѣхала въ сосѣднюю бібліотеку къ товарищу Копонцу и увидѣла, что онъ тоже не меньше меня работаетъ, не меньше меня популяренъ, но его книги въ строгомъ порядкѣ и ему легче выдавать ихъ. Слѣдовательно, во главу угла должна быть поставлена сама бібліотека, а остальное ужъ приложится къ ней. Иначе страдаютъ и бібліотечное дѣло и просвѣтительныя начинанія.

Я взяла на себя инициативу занятій со взрослыми, написала учительницамъ конспекты для этихъ занятій, но сама ни одного раза не была на нихъ, не знала, что нѣтъ никакого журнала, никакой записи и представляла въ земство отчеты со своей подписью, но съ данными, сообщенными учительницами и не проверенными лично. И бібліотека моя оставалась не устроенной. Это все громадныя ошибки, которыя теперь мнѣ приходится исправлять съ большимъ трудомъ, и я предостерегаю отъ нихъ товарищей, которымъ придется, какъ мнѣ, начинать дѣло, открывать бібліотеку. Велика нужда въ широкой просвѣтительной работѣ бібліотекаря въ деревнѣ, но тамъ, гдѣ нѣтъ интеллигенціи или мало ея, какъ у меня, напримѣръ, — три учительницы, замученныя своей работой, — мы однѣ справимся не можемъ, и нашъ долгъ, обязанность наша кричать о помощи, требовать ея у земства, взывать къ товарищамъ, звать ихъ въ деревню. Служба народу теперь насущная необходимость, настойчивое требованіе момента, выдвинутаго исторіей: „Кто есть живъ человѣкъ, — отзовися!..“ Надо итти въ гущу народа, въ деревню, чтобы онъ видѣлъ, что мы съ нимъ, что

мы нужны ему. Иначе, получая теперь право на активное строительство своей жизни, онъ въ своей духовной слѣпотѣ можетъ самъ вырыть себѣ яму и отказаться отъ книгъ, библіотекъ и другихъ просвѣтительныхъ начинаній. Вѣдь ему не внушили любви, довѣрія и знанія области духа, въ которую его такъ долго не пускали. Всей работы одинъ библіотекарь теперь не выполнить, силы у него только человѣческія, пусть зоветъ подмогу, кричитъ о ней. И вотъ еще вопросъ громадной важности для деревенскихъ библіотекарей. Тоже вопросъ настоящего. Во многихъ мѣстахъ населеніе очень темное еще. Оно можетъ закрыть библіотеку, вообще начать борьбу съ библіотекаремъ. Въ этой борьбѣ нельзя оставаться одинокимъ, надо слиться во-едино, надо создать союзъ сельскихъ библіотекарей и дѣйствовать всѣ за одного, одинъ за всѣхъ. Этотъ союзъ долженъ организовать и печатный органъ, чтобы мы, отдѣленные другъ отъ друга далекимъ разстояніемъ, могли бы всѣ знать, какъ живетъ, въ чемъ нуждается, какой опасности подвергается каждый изъ насъ, какую полезную работу онъ ведетъ и чему можно научиться другъ у друга. Большинство изъ насъ выбрано членами сельскихъ и волостныхъ комитетовъ и соединенными усиліями мы можемъ въ устройствѣ новой сельской жизни отвести почетное мѣсто культурѣ. Но для этого мы должны поддерживать другъ друга. Библіотека въ жизни крестьянъ—маякъ культуры, въ полномъ смыслѣ этого слова. Она должна нести въ деревню и науку, и литературу, и искусства, и эстетику. Одинъ только этотъ маякъ хранить свѣтъ, принесенный изъ малодоступной для крестьянъ области культурной жизни, и онъ долженъ свѣтить ровно, ярко и неустанно. А поддерживаемъ этотъ огонь мы, сельскіе библіотекари. Мы освѣщаемъ темную ночь деревни. И для того, чтобы свѣтить продуктивно, мы должны быть образованы всесторонне, мы должны быть увѣрены въ своихъ знаніяхъ, мы должны любить науку, искусство, красоту, знать ихъ. А какъ намъ сдѣлаться такими, какихъ требуетъ наше дѣло, намъ, бѣднымъ деревенскимъ библіотекарямъ, когда и первоначальныя наши знанія распыляются, уничтожаются временемъ, когда окружающая насъ грубая среда кладетъ на насъ неизбѣжный отпечатокъ, когда въ окружающей насъ обстановкѣ мы можемъ только тосковать объ искусствѣ?

Для этого необходимо хоть ненадолго насъ вырывать изъ нашей скучной обстановки, хоть ненадолго приобщать насъ къ шумной разносторонней жизни большого города, полного самыхъ разнообразныхъ проявленій челоѣческаго духа. Вотъ почему великое спасибо иниціаторамъ нашихъ библіотечныхъ курсовъ, что они каждый годъ собираютъ насъ изъ глухихъ медвѣжьихъ угловъ, даютъ знаніе нашего дѣла, освѣжаютъ нашъ запасъ впечатлѣній, снимаютъ съ насъ хоть не надолго паутину сѣрости, сплетенную грубо матеріальной жизнью, окружающей насъ.

Было необычайно первое появленіе насъ, оренбуржцевъ, на московскомъ вокзалѣ. Мы стояли безпорядочной кучкой, растерянные, ошеломленные непривѣтливостью чужого большого города. Мы были, вѣроятно, смѣшны окружающимъ своимъ рѣзкимъ впечаткомъ провинціализма, своей растерянностью. А между тѣмъ многіе изъ насъ, до службы въ деревнѣ, жили въ большихъ городахъ, не терялись раньше въ суетѣ. Но теперь мы отдали весь свой опытъ, всѣ свои лучшія силы крестьянскому люду, раздѣлили съ нимъ его оторванность отъ города и пришли въ городъ уже другими, чужими людьми. Это не смѣшно, а трогательно. Но внѣшняя растерянность не бѣда, страшна растерянность внутренняя, недостаточность культурнаго багажа. Вотъ освѣженіе, пополненіе его и необходимо для сельскихъ библіотекарей. Мы должны и картины видѣть, и въ театрѣ быть, и ораторовъ послушать,—однимъ словомъ, какъ губка, впитать въ себя всѣ впечатлѣнія культурной жизни и отнести ихъ на службу родному народу. Мы должны выпрямить свою душу, какъ выпрямилъ ее герой разсказа Глѣба Успенскаго, увидѣвъ Венеру Милосскую, чтобы тамъ, на мѣстахъ, не бояться страшнаго одиночества среди людей, чтобы мириться съ тѣмъ, что столичныя газеты приходятъ на десятый день, что ближайшій уѣздный городъ въ 100 верстахъ, такъ же далека станція желѣзной дороги, а кругомъ невѣжественные крестьяне или еще болѣе темное инородческое населеніе, сѣрая некрасивая обстановка. Тамъ, на мѣстахъ, опять придется намъ быть постоянно на-стражѣ, чтобы не потерять довѣрія народнаго, не сдѣлаться врагами его, пропагандируя новое, спасительное, но непонятное и непривычное для него. Вѣдь, при всемъ своемъ уваженіи къ намъ, этотъ народъ все еще та же слѣпая стихійная сила, которая избивала врачей во время эпи-

деміи, шла за сумасшедшимъ монахомъ, преслѣдовала первыхъ вѣстниковъ свѣтлой политической жизни, проповѣдниковъ ея въ деревнѣ. Мы должны направлять эту силу, руководить ею черезъ книгу, быть часовыми истиннаго просвѣщенія, поставленными на одинокихъ постахъ.

Запросы крестьянства, требованія его становятся все шире, а въ своихъ исканіяхъ оно глубоко одиноко. Наша обязанность притти ему на помощь. Мы должны приготовить его къ строительству новой, лучшей жизни. Война, вмѣстѣ со всѣми ужасами ея, принесла и цѣнное для народа сознаніе, что міръ не ограничивается его неблагоустроенной деревней, что можно жить иначе и принадлежа къ крестьянскому сословію. Солдаты, вернувшіеся изъ дѣйствующей арміи и побывавшіе въ странѣ враговъ, рассказываютъ о широкихъ удобныхъ дорогахъ, огромныхъ хозяйственныхъ запасахъ, здоровыхъ домашнихъ животныхъ, видѣнныхъ ими у другихъ крестьянъ, и они уже не хотятъ мириться съ грязной и тяжелой своей жизнью, они увидѣли корень зла и требуютъ свѣта. За нимъ они придутъ къ намъ. Сельская женщина, освободившись отъ подавляющаго вліянія мужчины, увидѣвъ, что въ трудные годы войны она сумѣла сама, безъ помощи мужа, жить своимъ умомъ и своимъ трудомъ,—захотѣла иныхъ, лучшихъ условій существованія, признанія своей цѣнности. Она захотѣла быть грамотной. Самый большой и трогательный элементъ читателей моей библіотеки въ данное время составляютъ женщины. Едва научившись читать на занятіяхъ со взрослыми, онѣ уже идутъ въ библіотеку за книжкой, онѣ аккуратно приходятъ на всѣ народныя чтенія; такъ дорого и ново было для нихъ сознаніе, что онѣ могутъ и умъ свой развивать, какъ мужчины, и разсуждать съ такимъ же правомъ, какъ они. Задача библіотеки—поднять въ сельской женщинѣ сознаніе собственнаго достоинства, воспитать женщину, а черезъ нее дѣйствовать на мужа и дѣтей. Вліяніе женщины вездѣ, въ городѣ и въ деревнѣ, велико,—надо только сдѣлать его разумнымъ. Я ужасно жалѣю, что не взяла коллективнаго письма ко мнѣ женщинъ-солдатокъ. Письмо это уже было проникнуто новымъ для деревни благодѣтельнымъ вѣяніемъ и представляетъ собой какъ бы декларацию правъ деревенской женщины. Я упомянула объ этихъ новыхъ запросахъ деревни, чтобы указать, какая большая и отвѣтственная

подготовительная работа лежитъ сейчасъ на насъ, сельскихъ библіотекаряхъ. Именно, подготовительная, черная работа. Мы готовимъ въ деревнѣ матеріалъ для фундамента свѣтлаго зданія будущаго. Мы, маленькія искорки культуры, разбросанныя въ огромномъ, мрачномъ царствѣ невѣжества, должны зажечь большой пожаръ, уничтожающій съ корнемъ всю гниль, всѣ скверные остатки прошлаго. И, какъ ни малы отдѣльныя усилія каждаго изъ насъ, какъ ни скромна доля въ общей работѣ, все же мы дѣлаемъ ее во имя великой идеи, и не безплодно пройдетъ наша жизнь. Когда придутъ на смѣну намъ, чернорабочимъ культуры, другіе люди, люди творцы, и создадутъ разумную, просвѣщенную жизнь многомилліонному русскому крестьянству,—мы, сельскіе библіотекари, удовлетворенно скажемъ: „И нашего меду здѣсь есть хоть капля“. Съ такимъ сознаніемъ хорошо жить!“

Въ этомъ докладѣ, между прочимъ, затронуть вопросъ о необходимости объединенія библіотекарей, чтобы они не чувствовали себя „культурными одиночками“. Едва ли нужно доказывать всю важность такого объединенія, которое могло бы служить взаимной поддержкой. Въмѣсто доказательствъ, приведу воззваніе самой крупной изъ нашихъ библіотечныхъ организацій—Русскаго Библіотечнаго Общества, разосланное по библіотекамъ въ началѣ октября 1917 года.

„Мы не знаемъ, какъ развернутся дальше событія и какія судьбы ожидаютъ Россію, мы можемъ различно смотрѣть на задачи общественной дѣятельности и на обязанности гражданина въ наши трудные дни; но во всякомъ случаѣ мы знаемъ, что и въ будущемъ, какъ и теперь, насущно нужно Россіи просвѣщеніе народныхъ массъ, культурное воспитаніе націи.

И если теперь обязанностью каждаго—независимо отъ его политическихъ взглядовъ—является усиленіе производительности своей нормальной, профессиональной работы, если рабочій долженъ удвоить производительность своего труда въ мастерской, а земледѣлецъ—на пашнѣ, то и культурный работникъ, учитель—въ школѣ, библіотекарь—въ библіотекѣ, долженъ удвоить напряженность своей работы надъ просвѣщеніемъ и воспитаніемъ народа, надъ подготовкой націи для демократіи.

Трудна теперь эта работа. И чтобы не падала бодрость, чтобы не опускались руки, нужно, чтобы каждый работникъ би-

бліотечнаго дѣла зналъ и чувствовалъ, что онъ не одинъ стоитъ за бібліотечнымъ прилавкомъ, что вмѣстѣ съ нимъ работаютъ тысячи товарищей разсыпавшихся по всей Россіи. Нужна взаимопомощь въ работѣ или хоть взаимоосвѣдомленность, переключка, обмѣнъ дружескимъ словомъ, привѣтомъ.

Этотъ листокъ—такой товарищескій привѣтъ всѣмъ бібліотекарямъ городскимъ и сельскимъ отъ Русскаго Бібліотечнаго Общества и отъ бібліотекарей Москвы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ это—призывъ къ объединенію. Дайте адресъ для присылки сообщений. Обращайтесь къ намъ за справками. Пишите о своей работѣ, дѣлитесь опытомъ и соображеніями. Примыкайте къ нашему Обществу или къ иной бібліотечарской организаціи. Устраивайте филиальныя отдѣленія—или просто кружки бібліотекарей съ представителемъ для сношеній. Такъ будетъ подготовляться объединеніе всей арміи бібліотечныхъ работниковъ—созданіе Всероссійскаго союза бібліотекарей *).

Правленіе Р. Б. О.

И не только для взаимной поддержки нужно присоединяться къ существующимъ бібліотечнымъ организаціямъ и устраивать новыя, а также для того, чтобы создать истинную профессію бібліотекаря, чтобы показать русскому обществу, какъ много можетъ сдѣлать бібліотека и бібліотекарь, и чтобы общими дружными усилиями двигать бібліотечное дѣло въ Россіи. Въ единеніи сила!

*) Русское Бібліотечное Общество ставитъ себѣ задачей — „содѣйствовать развитію бібліотечнаго дѣла и улучшенію подготовки, быта и условій труда бібліотекарей въ Россіи“. Правленіе Общества въ Москвѣ—Большая Кисловка, 1, кв. 4, тел. 1—36—27. Дѣятельность Общества распространяется на всю Россію; оно имѣетъ въ нѣсколькихъ городахъ филиальныя отдѣленія. При Правленіи—бюро труда, справочное бюро, которое даетъ справки по всѣмъ вопросамъ бібліотечнаго дѣла (на отвѣтъ нужно прилагать марку), имѣетъ въ продажѣ всѣ существующія книги по бібліографіи и бібліотековѣдѣнію. Р. Б. О. издаетъ серію брошюръ по вопросамъ бібліотечнаго дѣла, а также инвентарные листы, карточки для каталога и для абонементной системы. Членскій взносъ—три рубля. Справочное бюро открыто по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ отъ 6—8 часовъ.

ХІІІ.

Ближайшія задачи бібліотечнаго дѣла въ Россіи.

Что же стоитъ теперь на очереди для того, чтобы развить и поднять бібліотечное дѣло, которое въ переживаемую нашей страной трудную пору могло бы оказать серьезнѣйшую поддержку насажденію культуры, столь недостающей и столь необходимой у насъ?

Мнѣ думается, что прежде всего нужно усиленное распространѣніе понятія о „новой бібліотекѣ“, ея задачахъ, возможностяхъ и достиженіяхъ. Нужно достигнуть того, чтобы „новая бібліотека“ насаждалась гдѣ только возможно и чтобы по ея типу реформировались старыя безжизненныя бібліотеки. Нужно словомъ и дѣломъ распространять „бібліотечный энтузіазмъ“, „бібліотечный духъ“. Много можетъ сдѣлать искра бібліотечнаго знанія, подхваченная, воспринятая общественнымъ дѣятелемъ.

Укажу на одинъ примѣръ. Въ уѣздномъ городѣ Богодуховѣ одинъ общественный дѣятель подъ вліяніемъ доклада о бібліотекахъ, слышаннаго имъ на одномъ сѣздѣ, затѣялъ устроить Общественную бібліотеку. Одушевленный идеей, которая ему пришла по сердцу, онъ сплотилъ около себя кружокъ интеллигенціи. Устроены были фургонный сборъ книгъ, добыты кое-какія пожертвованія. Бібліотека открылась и сразу сдѣлалась культурнымъ центромъ городка, бѣднаго умственной жизнью. Вокругъ бібліотеки возникла оживленная дѣятельность — по воскресеньямъ материнскій клубъ и дѣтскія собранія; періодически — публичныя лекціи, концерты и спектакли. Къ Общественной бібліотекѣ стянулись всѣ мѣстныя интеллектуальныя силы. Она стала чѣмъ-то близкимъ для каждого члена ея.

Мнѣ случайно довелось присутствовать на первомъ годовомъ собраніи членовъ этой бібліотеки, гдѣ былъ прочитанъ первый ея отчетъ, — отчетъ настолько оригинальный тѣмъ, что онъ весь пронизанъ литературными впечатлѣніями, что я позволю себѣ привести выдержку изъ него (онъ не былъ напечатанъ, правленіе Богодуховской бібліотеки любезно предоставило мнѣ его въ рукописи).

„Большое вниманіе уже удѣляется и будетъ удѣляться еще болѣе отдѣлу дѣтской литературы, такъ какъ Совѣтъ не можетъ не согласиться съ великими словами В. Гюго:

Ребенка обучи—дашь міру человѣка.

Среди преступниковъ, сыновъ позорныхъ вѣка,

Нашелъ я семьдесятъ неграмотныхъ изъ ста:

Они не знаютъ буквъ, ихъ подпись знакъ креста.

Да, школа—вотъ алтарь, какъ Божій храмъ священный!

Тамъ азбуку уча, смыслъ жизни сокровенный

Ребенокъ учится впослѣдствіи понять.

Ученья свѣтлый лучъ сердца идетъ смягчать.

Такъ дайте жъ каждому малюткѣ книгу въ руки,

Зажгите свѣтъ предъ нимъ, чтобъ не позналъ онъ муки,

Которая томитъ блуждающихъ во тьмѣ,

Которая ведетъ заблудшаго къ тюрьмѣ.

Дѣтская книга, дѣтскій журналъ да послужать той путеводной звѣздой, тѣмъ яркимъ огонькомъ, который приведетъ къ нашей библіотекѣ и ея читальнѣ дѣтей и ихъ родителей, безусловно больше всего дорожащихъ интересами дѣтей.

Совѣтъ высказываетъ глубокую увѣренность, что, вступивъ въ благопріятныя условія, Библіотека расширитъ свою дѣятельность на пользу мѣстнаго населенія и сыграетъ свою скромную роль въ вѣковой борьбѣ свѣта съ тьмою. Невольно вспоминается аллегорія испанскаго романиста-философа Армандо Паласіо Вальдеса. Въ своихъ „Запискахъ доктора Анджелико“ онъ создалъ красивую аллегорію человѣческой безпомощности передъ вѣковѣчными тайнами мірозданія и вѣчныхъ попытокъ человѣчества разгадать эту тайну. Смѣлые изслѣдователи, вѣроломно брошенные проводникомъ въ Ливійской пустынь, напрягаютъ послѣднія силы, чтобы найти оазисъ. Задыхаясь отъ палящаго зноя, уже гибнутъ несчастные одинъ за другимъ. Вдругъ радостныя восклицанія: „Оазисъ! Оазисъ!“ Въ самомъ дѣлѣ, передъ ними былъ оазисъ: пальмы, голубыя очертанія горъ. Путешественники обнимались и плакали отъ радости. Но выступилъ съ биноклемъ ученый и разсѣялъ преждевременную радость: это миражъ, отраженіе горъ, оставленныхъ позади. Объясненіе вызвало общій упадокъ духа. Только молодой философъ не потерялъ бодрости. „Мы видимъ впереди не оазисъ, а миражъ, такъ доказываетъ наука. Но почему же падать духомъ? Пойдемъ

впередъ, какъ будто впереди есть что-нибудь. Эта надежда поддерживаетъ насъ еще нѣкоторое время. А потомъ, кто знаетъ?.. Быть-можетъ, идя впередъ, мы случайно набредемъ на родникъ?.. Такъ, по аллегоріи Вальдеса точное знаніе разрушило миражъ стараго полузнанія съ его мракомъ, суевѣріями и темнотою, но оставило человѣчество въ невѣдомой пустынѣ съ ея палящимъ зноемъ. Человѣчество ищетъ источника, изъ котораго оно могло бы утолить страшную жажду, вызываемую этимъ палящимъ зноемъ пустыни. И этимъ источникомъ является книга: только она, по преимуществу, даетъ людямъ знаніе, только она утоляетъ духовную жажду; книга влечетъ насъ въ царство мира, тишины, она разсѣиваетъ царящій вокругъ насъ мракъ, она облегчаетъ борьбу съ препятствіями. Она же увлекаетъ насъ далеко отъ земной суеты-суеты въ царство спокойствія, нирваны, царство горнаго цвѣтка эдельвейса, этого олицетворенія невыплаканныхъ человѣческихъ слезъ и страданій.

Въ произведеніяхъ М. Горькаго есть прекрасное мѣсто, посвященное этому цвѣтку, горячо любимому горными жителями:

„Ледъ и снѣгъ нетлѣннымъ саваномъ вѣчно одѣваютъ вершины Альпъ, и царить надъ ними холодное безмолвіе—мудрое молчаніе гордыхъ высотъ. Безгранична пустыня небесъ надъ вершинами горъ, и безчисленны грустныя очи свѣтили надъ снѣгами вершинъ. У подножія горъ, тамъ на тѣсныхъ равнинахъ земли, жизнь, тревожно волнуясь, растетъ, и страдаетъ усталый владыка равнинъ—человѣкъ. Въ темныхъ ямахъ земли стонъ и смѣхъ, крики ярости, шепотъ любви... Многозвучна угрюмая музыка жизни земной! Но безмолвія горныхъ вершинъ и безстрастія звѣздъ не смущаютъ тяжелые вздохи людей.

„Ледъ и снѣгъ нетлѣннымъ саваномъ вѣчно одѣваютъ вершины Альпъ, и царить надъ ними холодное безмолвіе—мудрое молчаніе гордыхъ высотъ. Но какъ будто затѣмъ, чтобы кому-то сказать о несчастьяхъ земли и о мукахъ усталыхъ людей—у подножія льдовъ, въ царствѣ вѣчно-нѣмой тишины одиноко растетъ грустный горный цвѣтокъ—эдельвейсъ... А надъ нимъ въ безконечной пустынѣ небесъ молча гордое солнце плыветъ, грустно свѣтитъ нѣмая луна и безмолвно и трепетно звѣзды горять... И холодный покровъ тишины, опускаясь съ небесъ, обнимаетъ и ночью и днемъ одинокій цвѣтокъ—эдельвейсъ“.

Если необходимо распространять понятіе о „новой библіотекѣ“

среди широкой публики, то тѣмъ болѣе необходимо распространіемъ библіотечныхъ знаній, или библіотековѣдѣнія, готовить кадры библіотечныхъ работниковъ, которые могли бы проводить въ жизнь современные библіотечные идеалы.

Наличность такихъ работниковъ особенно необходима потому, что первой стадіей библіотечной реформы должно быть усиленіе и углубленіе работы каждой библіотеки въ отдѣльности, переходъ на новые методы (библіотечныя выставки, чтенія, кружки самообразованія, улучшенная техника и т. д.) тамъ, гдѣ они еще не примѣняются. Такая интенсификація работы неизмѣнно во много разъ повышаетъ дѣятельность библіотеки, кромѣ того, фактически уясняетъ населенію значеніе библіотеки. Это одинъ изъ лучшихъ способовъ привлечь населеніе къ библіотекѣ, заинтересовать ея дѣлами, пробудить самодѣятельность населенія въ библіотечномъ вопросѣ.

На ряду съ интенсификаціей дѣятельности отдѣльныхъ библіотекъ, необходимо объединеніе мелкихъ ячеекъ въ болѣе крупныя, образованіе библіотечныхъ сѣтей, кооперація библіотекъ между собою и согласованная дѣятельность ихъ съ другими просвѣтительными учрежденіями и организаціями. Объединеніе также содѣйствуетъ росту библіотечнаго дѣла.

Оба эти условія—интенсификація и объединеніе—подготавливаютъ почву для увеличенія масштаба, для болѣе широкаго размаха.

Изъ недавнихъ фактовъ въ области объединенія библіотекъ укажу на проектъ Серпуховской Общественной библіотеки, въ которую войдутъ библіотеки десятка организацій, имѣющихся въ этомъ уѣздномъ городѣ, напр., большая библіотека земской управы, которая прежде доступна была только земскимъ служащимъ, библіотека Благотворительнаго общества, клуба, медицинскаго общества и др. Городское управленіе по случаю открытія учредительнаго собранія ассигновало на эту соединенную библіотеку 10 тыс. рублей, поступили также частныя пожертвованія, и кооперативныя организаціи обѣщали оказать матеріальное содѣйствіе. Общественная библіотека будетъ имѣть филиальныя отдѣленія и выдачныя пункты и въ городѣ и въ уѣздѣ, и Центральная библіотека будетъ обслуживать и городскую и сельскую сѣть.

Объединеніе работы должно выражаться также въ устрой-

ствѣ совѣщаній и съѣздовъ по библиотечному дѣлу. Необходимы частныя совѣщанія мѣстныхъ работниковъ, но періодически нужны и объединенныя совѣщанія въ болѣе крупныхъ центрахъ, напримѣръ, совѣщанія уѣздныя, затѣмъ губернскія и, наконецъ, областныя тамъ, гдѣ это возможно организовать при нынѣшнихъ условіяхъ. Если нельзя устроить отдѣльнаго библиотечнаго совѣщанія, то желательно хотя бы организовать библиотечную секцію на совѣщаніи по внѣшкольному образованію.

Когда только явится возможность, необходимо создать все-россійскій съѣздъ по библиотечному дѣлу. До сихъ поръ былъ только одинъ съѣздъ въ 1911 году, и жизнь выдвинула множество настоятельныхъ вопросовъ, но второй съѣздъ, предложенный въ 1913 году, все еще не могъ быть осуществленъ вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ причинъ.

Съѣздъ по библиотечному дѣлу важенъ еще и для того, чтобы координировать работу различныхъ организацій (городовъ, земствъ, кооперативовъ и проч.) въ спеціальной области. Большое значеніе можетъ имѣть въ настоящее время и личная встрѣча дѣятелей различныхъ мѣстностей, и взаимное освѣдомленіе.

Переходя отъ маленькихъ объединеній къ болѣе крупнымъ, мы не только будемъ улучшать работу и двигать впередъ библиотечное дѣло въ Россіи, но также будемъ чувствовать взаимную поддержку. Взаимная поддержка—очень большая опора, и при этомъ условіи работа идетъ во много разъ лучше и успѣшнѣе.

Русскіе библиотечные дѣятели должны также знать, что, кромѣ взаимной поддержки, они имѣютъ поддержку отъ своихъ заатлантическихъ сотоварищей по работѣ. На съѣздѣ Американскаго Библиотечнаго Общества въ 1917 году одинъ изъ основателей этого общества Р. Р. Баукеръ, дважды побывавшій въ Россіи—послѣдній разъ во время объявленія войны въ 1914 г.—сдѣлалъ докладъ о Россіи. Въ живой, увлекательной формѣ передалъ онъ и краткія историческія, бытовыя, экономическія и политическія свѣдѣнія о нашей странѣ, и свои личныя впечатлѣнія. Разумѣется, говорилъ онъ и о библиотекахъ:

„Всего сто лѣтъ, какъ существуетъ Публичная библіотека въ Петроградѣ, но за это время она успѣла занять третье по величинѣ мѣсто среди библиотекъ земного шара: ее опережаютъ

только Національная бібліотека въ Парижѣ и бібліотека Британскаго Музея. Это — центръ бібліотечной Россіи, но центръ не въ нашемъ смыслѣ, такъ какъ отъ нея мало что исходитъ въ смыслѣ національнаго стимула. Не исходитъ этотъ стимулъ также и отъ академическихъ бібліотекъ, ни отъ крупныхъ городскихъ бібліотекъ, какъ въ Одессѣ и Кіевѣ. Зато исходитъ онъ отъ молодого Университета въ Москвѣ, устроеннаго по завѣщанію А. Л. Шанявскаго. Около него сгруппировались прогрессивные элементы, преподаватели и слушатели, изгнанные изъ государственнаго университета, благодаря тиранніи правительства. И въ этомъ университетѣ возникли бібліотечные курсы, которые являются центромъ бібліотечнаго прогресса для Россіи“...

Далѣе докладчикъ говорилъ о бібліотекахъ-вагонахъ Сибирской желѣзной дороги, о сельскихъ бібліотекахъ и т. д. и особенно останавливался на значеніи русской литературы и русскаго искусства для всего цивилизованнаго міра. „Въ прежнія времена“, закончилъ онъ, „Америка была въ дружбѣ съ Россіей, несмотря на ея самодержавный строй. Теперь при свѣтѣ новой свободы великія демократіи запада и востока, Америка и Россія, должны жить въ еще болѣе тѣсной дружбѣ не только въ виду войны, которая рано или поздно кончится, но и въ томъ прочномъ мирѣ, который долженъ наступить“.

Послѣ этого доклада единогласно принята была слѣдующая резолюція: „Американское Библіотечное Общество на сѣздѣ въ Луизвиллѣ постановило принести искреннія привѣтствія всѣмъ въ молодой Россійской республикѣ, кто исповѣдовалъ демократическую вѣру и теперь видитъ первое осуществленіе своихъ надеждъ на новую будущность своей великой страны. Организация Національной бібліотеки, третьей по величинѣ въ мірѣ, въ теченіе одного столѣтія была выдающимся достиженіемъ при старыхъ условіяхъ. Піонерская работа бібліотечныхъ курсовъ въ Москвѣ и организация вагоновъ-бібліотекъ Великой Сибирской желѣзной дороги служатъ залогомъ, что публичная бібліотека въ Россіи сдѣлается однимъ изъ могучихъ факторовъ народнаго просвѣщенія. Америка и Россія въ этомъ большомъ дѣлѣ должны идти рука объ руку, и Американское Библіотечное Общество, съ признательностью вспоминая значеніе русской литературы для нашей страны и для всего міра, какъ вдохнови-

тельницы демократическихъ идей, готово оказать содѣйствіе (*pledges its aid*) своимъ русскимъ собратьямъ въ дѣлѣ развитія въ Россіи библіотечнаго движенія, которое принесло такіе большіе результаты въ Америкѣ за послѣдніе полвѣка *)“.

Пусть этотъ привѣтъ будетъ путеводной звѣздой въ нашей работѣ на поприщѣ библіотечнаго дѣла въ родной странѣ!

*) Library Journal 1917 VIII, pp. 604—605, 629.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. Культура, какъ фундаментъ современной жизни	3
II. Внѣшкольное образованіе	10
III. Знаніе и книга	16
IV. Изъ эволюціи книги	24
V. Тернистый путь	33
VI. Зачѣмъ нужны библіотеки	50
VII. Библіотечные идеалы и ихъ осуществленіе	66
VIII. Библіотека и дѣти	77
IX. Библіотека—соціальная сила	93
X. Библіотечная политика	102
XI. „Все для читателя“	122
XII. Библіотекаръ—душа дѣла	144
XIII. Ближайшія задачи библіотечнаго дѣла въ Россіи	163

Печатные труды Л. Б. Хавкиной по библиотечному дѣлу.

Книги и брошюры:

1. Библиотеки, ихъ организація и техника. Руководство по библиотечной дѣлѣ, 2-е переработанное и значительно дополненное изданіе. Съ 51 рис., 40 таблицами и алфавитнымъ указателемъ. Спб., 1911 г. VIII + 404 стр. Ц. 4 руб. (распр., подгот. 3-е изд.).
2. Руководство для небольшихъ библиотекъ. Съ рисунками, образцами бланковъ и алфавитнымъ указателемъ. 3-е перер. и значительно дополненное изд. Моск. Гор. Университета имени А. Л. Шанявскаго. М. 1918 VI+242 стр.
3. Нью-Йоркская публичная библиотека. Съ 16 рис., М. 1914. 46 стр. 50 к. (Печат. 2-е изд.).
4. Авторскія таблицы Кеттера въ примѣненіи къ русскимъ библиотечкамъ. Курсы по библиот. дѣлу Университета имени А. Л. Шанявскаго. 2-е изд. М. 1918. 24 стр. 1 р.
5. Книга и библиотека. М. „Наука“. 1918. 3 р.
6. Систематическій указатель статей по библиотечному дѣлу за 1910—1915 г. (Печатается).
7. Азбука библиотечнаго дѣла. М. Русск. Библ. о-во. (подг. къ печати.).

Статьи и доклады:

1. Народныя читальни и библиотеки въ Россіи. „Народная Энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаний“, т. X. М. 1909 г.
2. Народныя библиотеки за границей. „Практическая Школьная Энциклопедія“. М., 1912 г.
3. Народныя библиотеки и читальни } Сборникъ „Общее дѣло“ в. 2. М.,
въ Берлинѣ. } 1902 г.
4. Народная библиотека въ Цвитау. }
5. Изъ жизни одной народной библиотеки. „В. Восп.“ 1902 г., 5.
6. Народныя читальни и библиотеки въ Парижѣ. „Р. Шк.“, 1902 г., 10—11, 12.
7. Харьковская общественная библиотека. „В. В.“, 1903 г., 3.
8. Note sur la Bibliothèque Publique de Kharkoff. Revue des Bibliothèques. Paris 1903. III.
9. Частная народная библиотека въ Берлинѣ. „Р. Ш.“, 1903 г., 10.
10. О профессиональной подготовкѣ библиотечарей. Труды 3-го съѣзда по техн. и проф. образ. Спб. 1904.
11. Публичныя библиотеки въ Австраліи. „Р. Ш.“. 1904 г., 12.
12. Библиотека Академіи Наукъ. „Р. Вѣд. 1907 г. № 49.
13. О желательной постановкѣ библиотекъ. „В. В.“, 1907 г., 4.
14. Дѣтскія библиотеки. „Просвѣщеніе“. 1907 г., 8.
15. Англійскій библиотечный союзъ. „Просвѣщеніе“. 1907 г., 9.
16. Городскія народныя библиотеки-читальни въ С.-Петербургѣ. „В. В.“, 1909 г., 8.
17. Народныя библиотеки въ Берлинѣ. „Для Нар. Учит.“ 1909 г., 11.
18. Дѣтскія библиотеки. „В. В.“, 1910 г., 4.
19. Наши публичныя библиотеки (по даннымъ анкеты). „Всеобщій Ежемесячникъ“, 1911 г., 12.
20. Краткій историческій обзоръ дѣятельности Харьковской Общественной библиотеки за 25 лѣтъ. Прилож. къ отчету Х. О. Б. за 1911—12.

21. Юбилей Харьковской Общественной библ. „Библиотекарь“, 1912, II.
22. Та же тема. „В. В.“ 1912, III.
23. Та же тема. „Рѣчь“ 1912, 12 февр.
24. О библиотечномъ дѣлѣ въ Москвѣ. „Русскія Вѣдомости“, 1913 г. №№ 50 и 51.
25. Первые курсы по библиотечному дѣлу. „В. В.“. 1913 г., 8.
26. Нью-Йоркская публичная библиотека. „В. В.“, 1913 г., 8.
27. Императорская публичная библиотека } „Школа и Жизнь“,
28. Величайшія библиотеки земного шара } 1914 г., 1.
29. Императорская публичная библиотека (къ столѣтнему юбилею). „Сѣв. Записки“ 1914 г., 1.
30. Дѣтскія библиотеки и библиотечные идеалы (докладъ). Прилож. къ отчету Харьковск. Общ. Библ. за 1913—14.
31. Курсы по библиотечному дѣлу въ Москвѣ. (Цифровыя данныя). „Школа и Жизнь“, 1914, № 23.
32. Передвижныя библиотеки въ Пермскомъ уѣздѣ. „Школа и Жизнь“, 1914, № 50.
33. Библиотеки и война. „Школа и Жизнь“, 1914, № 52.
34. Общества и съѣзды библиотекарей въ Америкѣ. „Ш. и Ж.“, 1915, № 2.
35. По поводу статистики русскихъ библиотекъ. „Ш. и Ж.“, 1915, № 2.
36. Дѣтскія библиотеки въ Америкѣ. „Ш. и Ж.“ 1915, №№ 4 и 6.
37. Курсы по библиотечному дѣлу (разработка анкеты). „Школа и Жизнь“, 1915, № 14.
38. Russian Libraries. Library Journal, New York, 1915, № 3.
39. Библиотечныя сѣти въ Америкѣ. „Ш. и Ж.“, 1915, №№ 47 и 48.
40. Народныя библиотеки. Труды Харьковск. съѣзда по устройству разумныхъ развлеченій. X. 1915.
41. Судьба библиотеки (по поводу проекта о реквизиціи зданія Харьк. Общ. Библиотеки). „Рѣчь“ 1915, 19 сент.
42. 1915 годъ въ жизни нашихъ библиотекъ. „Ш. и Ж.“, 1916, №№ 1 и 9.
43. Подготовка библиотекарей. „Р. Вѣд.“, 1916, № 77.
44. Библиотека прежде и теперь. „Коопер. Жизнь“, 1916, № 11—12.
45. Курсы по библиотечному дѣлу (Обзоръ за четыре года). „Научные Бюллетени Университета имени А. Л. Шанявскаго“, вып. 2. М. 1916.
46. Библиотека и текущій моментъ. „Р. Вѣд.“, 1917, 10 апр.
47. Ближайшія задачи библиотекъ въ Россіи. „Библиогр. Ежемѣс.“, 1918, № 1.

